
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

И. В. Лихолетова,
главный хранитель фондов музея

ЗОЛОТОЙ ЮБИЛЕЙ СТУДЕНЧЕСТВА

(Из воспоминаний герценовских выпускников 1950-х годов)

Музей истории Университета им. А. И. Герцена является своеобразным связующим звеном разных поколений герценовцев. В музее хранятся обширные архивы воспоминаний выпускников, начиная с конца XIX в. и до наших дней. Все года существования музея он ведёт активную переписку с бывшими студентами, по крупицам собирая бесценные «кирпичики», из которых складывается живая история нашего университета. И чем больше проходит времени, тем ценнее становятся эти письма.

В последнее время усилилась связь со студентами-«пятидесятниками», выпускниками разных факультетов нашего вуза 1950-х гг. И можно сказать, мы в начале XXI в. отметили «золотой юбилей» студенчества середины XX в.

В процессе развития института пятидесятые — годы напряжённой и непростой работы. В первые послевоенные годы институт активно восстанавливал свою научную и учебную деятельность после эвакуации, и все последующие годы были полностью подчинены развитию системы школьного образования и школьной педагогики. Основные стратегии были связаны с реформами школы, что и определило задачи в области теории и практики высшего педагогического образования.

К середине 1957 г. в Ленинграде оставалось два педагогических института: им. А. И. Герцена и им. М. Н. Покровского. С 1 августа 1957 г. по решению правительства произошло слияние этих двух вузов в единый институт — ЛГПИ им. А. И. Герцена. Из Института им. М. Н. Покровского пришло 4184 студента, существенно попол-

нился и профессорско-преподавательский состав института, в том числе за счёт таких известных учёных, как профессора Е. В. Бунаков, Л. В. Латманизова, А. И. Зотов, доценты С. А. Павлович, А. Д. Боборыкин (будущий ректор института) и другие.

Наиболее значительным событием середины 50-х стал переход института в 1956—1957 гг. на выпуск учителей широкого профиля и введение в связи с этим пятилетнего срока обучения (ранее было 4 года). Мотивировано это было тем, что в сельские школы остро нуждались в квалифицированных педагогических кадрах с высшим образованием, но в то же самое время эти школы не имели возможности обеспечить полноценной учебной нагрузкой узкопрофильных педагогов. Эта программа имела ряд недостатков, и уже в 1963/64 учебных годах часть факультетов переводят на однопрофильную подготовку учителей с четырёхлетним сроком обучения. Ещё одной новой идеей времени стало политехническое обучение, подразумевающее включение в программу таких дисциплин, как «Основы сельского хозяйства», «Электротехника», «Машиноведение». Юноши и девушки активно осваивали трактора и сенокосилки, приобретали навыки выращивания растений, работали в учебных мастерских — токарной, слесарной, столярной. Появилась в программе и обязательная практика студентов на заводах.

Страна 50-х. Ударный труд по восстановлению городов из руин, комсомольские стройки, освоение целинных земель, начало освоения космоса, VI Всемирный фестиваль молодёжи и студенчества

в Москве — всё давало надежду на творческий труд на благо общества.

И студенты-герценовцы, прямо или косвенно, были причастны ко всему происходящему вокруг: работали летом на колхозных полях Омской и Кокчетавской областей, на мелиорации в Рощинском районе Ленинградской области. С юмором, по-молодому озорно вспоминает об этом Натэлла Васильевна Косыгина-Корчагина, выпускница историко-филологического факультета 1958 г.:

Замечательное время, счастливые годы, чудесные 5 лет цветущей молодости, энергии, стремлений. Была старостой институтского хора. По окончании учебы ездили мы на фестиваль прибалтийских республик в Риге, Сигулде, как и гости из Москвы, с Украины, Татарстана... Я шучу, что лучшие всего нас учили копать колхозную картошку в Эстонии. 5 лет по 2 месяца = 10 месяцев. Запомнились экскурсии в Кингисепи, Нарву...

Побывали мы и на целине, под Омском. Копали... картошку. А ехали по «зелёной улице», неделю. Наблюдали за первым искусственным спутником Земли, а он нам дружески подмигивал и библикал весело.

Но основным и главным делом была, безусловно, учёба. Заголовки заметок в институтской газете «Советский учитель» говорят сами за себя: «За высокое качество учёбы!», «Отличную учёбу сочетать с активной общественной работой», «Из 41 оценки — 38 отличных». Фотографии студентов-отличников регулярно публиковались на страницах газеты.

Студенты 50-х... Юноши и девушки, чьё детство опалила Великая Отечественная война, лишив радости беззаботного отрочества. Рано повзрослевшие, познавшие горечь потерь близких, тяжёлый труд на заводах, голод и холод, увидевшие смерть в лицо на фронтах великой войны... И в то же время именно они, с лихвой хлебнувшие трудностей, с большим оптимизмом смотрели в своё будущее и будущее своей

страны, ударно учились и трудились, надеясь только на лучшее.

Наилучшей иллюстрацией к картинам институтской жизни пятидесятых годов будут, пожалуй, воспоминания самих бывших студентов. Несмотря на то, что прошло полвека, половина целой эпохи в жизни человека и вуза, воспоминания студентов-пятидесятников непосредственны и живы. Они представляют большой интерес для настоящих и будущих поколений студенчества и истории университета.

Трудности послевоенного периода

Вспоминает Нина Алексеевна Сухонина (в девичестве Никандрова), выпускница литературного факультета 1951 г.:

В этих помещениях снарядами и зажигалками были пробиты потолки и полы. Зияли дыры. Иногда мы брали ключ от одной из таких аудиторий и после занятий читали там стихи, сидя и стоя на полу неподалеку от дыры. Читали свое, чужое, Блока, Апухтина, Надсона, Есенина. Все они были, кроме Блока, запрещенными. Мы покупали эти книги из-под полы на черном рынке. В жилых комнатах ночью из-под кроватей выглядывали и суежились по полу белые мышки. Уцелевшие, видимо, от довоенных лет, когда они жили в лабораториях биофака.

Письма бывших выпускниц, пусть и разных факультетов института, во многом очень похожи, ведь это впечатления и воспоминания ровесниц, которые в одно и то же время учились в нашем вузе.

Из письма Зуммеры Абдуловны (Зои Александровны) Богатеевой, выпускницы дошкольного факультета 1957 г.:

Мы, молодые девчонки, из разных провинциальных городов СССР, поступили на дошкольное отделение педагогического факультета института в 1952 г. Занятия проходили в 6-м корпусе, а проживали в общежитии на Желябова. Это был еще трудный послевоенный год. Отчетливо зияли раны войны, а загородные дворцы и

парки стояли в руинах. Мы и начали учебу с расчистки парка главного корпуса института, который был разбит и разрыт. А потом поехали в колхоз собирать картофель, в Дубровку Кингисеппского района, что в 5 км от Нарвы. Жили прямо в поле в разбитых солдатских казармах. Спали на соломе, на полу, ели картофель, потом привезли конину. За хлебом на лошади Тоня Андреева, самая старшая из нас всех, ездила в Кингисепп. А вечером пешком за 5 км ходили на танцы, весело смеясь и радуясь.

Любимые преподаватели

Тепло и удивительно полно, припоминая и черты характера, и манеру преподавания и отношение к студентам, вспоминают выпускницы далёких 50-х своих преподавателей. Н. А. Сухонина:

А теперь о главном — о преподавателях. Лучшие их лекций я ничего не знала и позже не слышала. Уходила с лекций нагруженная, переполненная, казалось, что и голова, и тело стали тяжелее. О каждом преподавателе хочется говорить.

Профессор Александр Иванович Груздев читал нам русскую литературу второй половины XIX в. До сих пор я храню тетради с записями его лекций. Под его руководством на 2-м курсе я писала курсовую работу «Фрегат Паллада» И. А. Гончарова в свете идейной эволюции автора». До сих пор я не совсем понимаю, как мне удалось одолеть этот труд. По-моему, больше половины написал сам Александр Иванович на полях и между строк моих очерков.

Деканом факультета был величественный Василий Алексеевич Десницкий, профессор, доктор наук, член-корреспондент АН. Мы преклонялись перед его исторической значимостью: он близко знал Горького, Ленина, был с ним на о-ве Капри, был исключен из РСДРП за несогласие с неизбежностью революции (последнее я узнала значительно позже). В. А. Десницкий был из другого мира: дымчатые очки, гордо

поднятая голова, небольшая бородка, серое габардиновое пальто, а под ним — такой же серый безукоризненно выглядящий костюм, белое шелковое кашне, изящная палка в руках, хотя палка — просто атрибут аристократического шарма: он ходил быстро, уверенно, двор института замирал, когда по нему шествовал Десницкий.

Мы близко знали и считали своим его сына, Алексея Васильевича.

Он был куратором нашей второй группы, вел у нас семинар по А. С. Пушкину. С ним мы бывали на катке зимними вечерами и забывали серьезное различие в возрасте, были в гостях на даче Десницких в Юкках. На электричке рано утром в воскресенье мы с лыжами приезжали большой группой в Юкки, Алексей Васильевич привозил огромные связки баранок, которые развешивали на ведерном кипящем самоваре, когда перед нашим приездом его ставила женщина, присматривающая за дачей. После чая мы целый день катались на лыжах с лесистых гор вниз, на замерзшие озера. А поздним вечером, после вечернего чая, совершенно разморенные возвращались домой.

А когда уже на четвертом курсе мы сдавали госэкзамены, накануне экзамена по литературе Алексей Васильевич и Сергей Васильевич Касторский вечером пришли к нам в общежитие (уже на Желябова). Они принесли с собой целую поленицу батонов, колбасу, масло, мы сварили картошку, приготовили чай, собрались в одной из комнат всей группой, расположились на кроватях и прямо на полу, посередине расстелили скатерть, разместили угощение, разлили чай по разнообразным чашкам и стаканам, и началась консультация по русской литературе. Преподаватели нас «гоняли» по всему ее курсу, отмечали на бесконечные наши вопросы, объясняли и «углубляли». Разошлись уже после одиннадцати ночи. О наших ответах («глубоких и ярких») на госэкзаменах по литературе писали в газете «Советский учитель».

... Яркими и интересными были и лекции Александра Максимовича Докусова (русская литература первой половины XIX в.), Сергея Васильевича Касторского (вторая половина русской литературы XIX в.), Валерия Павловича Друзина (советская литература), Николая Павловича Каноночкина (современный русский язык). Все это очень известные имена, доктора наук; В. П. Друзин в это время был главным редактором ленинградского журнала «Нева».

Незабываем Федот Петрович Филин, действительный член АН СССР, директор Института русского языка. Он приезжал к нам читать лекции по языкознанию из Москвы еженедельно. Его лекции были подобны этнографическим и археологическим экспедициям, но по картам. Большая карта вывешивалась в аудитории на доске, и начиналось путешествие: переселение, ассимиляция, создание языковых групп. Было трудно и очень интересно. Был Федот Петрович добрейшим человеком с простым крестьянским лицом, внушительных размеров носом, в роговых очках, но элегантный, подтянутый.

... Я была на лекциях, когда узнала о его смерти. В аудиторию вошла опоздавшая студентка, подошла ко мне с извинениями и сообщила, что в институте, где она подрабатывала лаборанткой, несчастье: умер директор института. Это был 1982 год. Это был Ф. П. Филин.

А когда я писала эти воспоминания, как-то зашла на почту за конвертами. Мне выдали в окошечке конверты, на которых был портрет моего учителя. Так радостно и тепло стало на сердце.

Вспоминает З. А. Богатеева:

Нам посчастливилось учиться у истинных ученых, интеллигентов старой школы, переживших суровые годы репрессий, войны, блокады, вложивших много сил и здоровья в спасение и воспитание детей и сумевших сохранить веру в лучшее будущее, торжество науки. Назову лишь некоторые имена. Это Лариса Львовна Додон (декан),

Анна Михайловна Леушина (зав. кафедрой дошкольной педагогики) и члены кафедры: Елизавета Анатольевна Гребенищикова, Нина Багратовна Мchedлидзе, Ирина Леонидовна Гусарова, Раиса Моисеевна Римбург, Анна Филипповна Успенская, Лидия Александровна Порембская, Валентина Родионовна Беспалова. И конечно, Галина Ниловна Кузьменко, профессор Рогов и Панкратов (кафедра физиологии), Михаил Николаевич Шардаков, Анна Александровна Люблинская, Серафим Николаевич Шаболин (кафедра психологии) и многие другие.

Именно они своим примером, объективной оценкой, доброжелательным отношением привили любовь к избранной нами профессии, желание совершенствоваться в ней, овладевать мастерством.

Культурная жизнь. Студенческий клуб

Разнообразной и увлекательной была внеучебная жизнь студентов: студенты горячо спорили в литературно-дискуссионном клубе, занимались в многочисленных кружках и студиях. Студенческий клуб в пятидесятые был на большом подъеме, благодаря своему директору А. Ахаяну. Он устраивал многочисленные интересные встречи студентов со многими выдающимися людьми. В Колонном зале выступали писатели и поэты Н. С. Тихонов, А. Т. Твардовский, О. Ф. Берггольц, А. А. Фадеев, К. И. Чуковский, С. Я. Маршак, К. М. Симонов, В. П. Катаев, Е. А. Долматовский, Л. А. Кассиль, В. Ф. Панова, М. А. Дудин, композиторы С. С. Прокофьев, Д. Д. Шостакович, А. И. Хачатурян, И. О. Дунаевский, В. П. Соловьёв-Седой, художники М. Б. Греков, Б. В. Иогансон, М. В. Нестеров, скульпторы В. И. Мухина, М. К. Аникушин. Среди актёров театра и кино, посетивших студенческий клуб, были Н. К. Черкасов, А. К. Тарасова, М. И. Жаров, Л. П. Орлова, А. В. Баталов и др. Народный артист СССР Е. А. Лебедев сказал о клубе такие слова: «Кончались занятия, пустели аудитории — и помещение клуба

наполнялось задорным студенческим многоголосьем. Одни спешили на музыкальный вечер, другие яростно «рубились» в дискуссии, третьи репетировали «Молодую гвардию», шли на встречу с любимым писателем. Добрые дела студенческого клуба широко известны не только в нашей стране, но и за её пределами».

Вспоминают бывшие студентки

Н. А. Сухонина:

Институтский клуб давал возможность встречаться с видными учеными, с писателями, поэтами, певцами, актерами. Я была в совете клуба, которым руководил Андрей Асатурович Ахаян — директор клуба. Вот он на фотографии пытается защитить поэта К. Симонова от его почитательниц.

После лекций зал клуба до отказа заполнялся студентами всех факультетов. Размещались даже на хорах. В юбилейные Горьковские дни 1948 г. перед студентами выступала, делаясь воспоминаниями, Екатерина Павловна Пешкова. Долинский и Ермилов скреживали шпаги на диспуте в нашем клубе; встречались мы с Героем Советского Союза А. Маресьевым (героем повести Б. Полевого «Повесть о настоящем человеке»); нам пел со сцены клуба «дамский» кумир тех лет лирический тенор М. Александрович; в гостях у нас были ведущие актеры ленинградских театров.

Был у нас во время постановки его пьесы «Чужая тень» в драматическом театре им. А. И. Горького К. М. Симонов. На наш концерт он приехал вместе с занятой в этом спектакле артисткой Н. А. Ольхиной. Мы ждали выступления поэта долго, сидя в набитом людьми зале. Потом отправились за ним в гостиницу, но по дороге встретились с ним. Начало встречи состоялось с большим опозданием, а через час с небольшим уже должна состояться еще встреча с кем-то. Поэт вошел в настроение, рассчитался, его стихи принимались очень горячо, а А. А. Ахаян нервничал:

нужно было срочно остановить Симонова, увести его со сцены — зал должен быть предоставлен другому мероприятию, время истекало. Тогда Андрей Асатурович нашел выход: он буквально вытолкнул меня с адресной книгой в руках и еще одну девушку с корзиной цветов — на сцену. Недоумевая, поэт повернулся в сторону неожиданных пришельцев. И тогда А. Карасев зацелкал фотоаппаратом, мы благополучно исполнили свои роли, вручили книгу и цветы и увели Симонова со сцены в кабинет Ахаяна, где был приготовлен банкетный стол. А на сцене и в зале шло очередное мероприятие.

А. Вертинского мы слушали по соседству с нашим общежитием на ул. Желябова, в театре эстрады. Он потряс нас магией изящных рук, иллюстрировавших каждую фразу стиха, песни, ювелирной отточенностью мелодического рисунка, полноты чувств.

А репетиции А. И. Райкина мы слушали, лежа на крыше театра эстрады, где мы готовились к экзаменам, греясь на солнышке. Мы слышали каждое слово, каждую фразу, а потом уже приходили вечером на спектакли Райкина. В этом театре мы были «свои люди».

З. А. Богатеева:

А в повышении уровня нашей общей культуры, расширением нашего кругозора сыграл большую роль сам город Ленинград, его многочисленные музеи, памятники, театры, концертные залы, где блистали Мравинский, Сергеев, Дудинская, Черкасов, Акимов, Лебзак, Борисов, Меркурьев, Толубеев и др. До сих пор я живу этими воспоминаниями, мысленно брожу по залам Эрмитажа, вдыхая запах его гобеленов, любясь многочисленными картинами, изящными формами мраморных скульптур и блеском золота в особой кладовой. Мне кажется, я знаю каждое здание Невского проспекта, все скульптуры Летнего сада, уступы набережных с фигурами львов и сфинксов.

Мне бы хотелось отметить эффективную культурно-воспитательную работу институтского клуба под руководством его заведующего Ахаяна. Этот внешне простоватый человек имел широкий круг знакомых среди известных деятелей культуры. Он организовывал интересные встречи с поэтами, учеными, писателями. Я помню встречи с поэтами Е. Долматовским, К. Симоновым, капитаном дальнего плавания Барагашвым, директором Эрмитажа Б. Пиотровским. К сожалению, тогда А. Ахматова и М. Зощенко были в опале, жаль, что встреча с ними не состоялась. А их произведения не издавались. Познакомились с ними позже.

Н. В. Косыгина-Корчагина тоже сохранила тёплые воспоминания о студенческом досуге и родном институтском клубе:

Выпускники наши и студенты народов севера жили в элитном общежитии на улице Желябова, рядом с кафе «Пончики», шахматно-шашечным клубом и театром эстрады. Если в театре эстрады оказывались не проданные зрителям билеты, администрация шепнет об этом вахтеру общежития, а он — нам.

Сколько концертов, памятных встреч, спектаклей А. И. Райкина, выступлений сестер Фёдоровых нам так подарили. Незабываемы концерты Л. П. Орловой, К. И. Шульженко, на которых мы побывали и были в восхищении от них.

А «дома», в институте, был богатейший, красивейший клуб и его аксакал Асатур Асатурович (если не запамятовала) Ахаян, которого для облегчения все называли «Андрей Андреевич», и его славная жена Тамара (если не путаю).

В наше время не бытовала неприглядная практика платных встреч, выступлений известных поэтов, композиторов, спортсменов, музыкантов — лауреатов и дипломантов.

Раздастся телефонный звонок А. А. Ахаяну. Кто-то из студентов сообщает о том, что в парикмахерской на такой-

то улице замечен композитор Соловьев-Седой, можно ли пригласить молодежного любимца в наш студенческий клуб. Совсем по-тимуровски (по Гайдари). Уважаемый институт, авторитетный директор клуба. Великие люди нашего времени считали за честь, за доблесть выступить перед будущими педагогами, сфотографироваться с ними веселой, шумной «кучей-малой»...

Тихое сообщение о том, что в клубе В. Соловьев-Седой, — и актовый зал полон, запыхавшиеся студенты готовы видеть, слышать, внимать. Красота!

Много раз бывал у нас Н. Черкасов, и в фильме о творчестве артиста нас, весь зал, снимали. И Д. Сагал, любимец из к/ф «Сельская учительница» рассказывал нам о своем творчестве. Фотография — на память, на ней мы, как пчелы-матки, облепили красивого, умного артиста. Адашевский, Лебзак, Горбачев, Лавров... Нужно перечислять всех артистов театров Ленинграда нашего времени. «Все были тут»...

Экзамены

Есть воспоминания и о «финишной черте» — госэкзаменах, горячей поре для всех студентов.

Вот как рассказывает об этом Н. А. Сухонина:

А потом были госэкзамены...

Мы лежали в общежитии на кроватях, а рядом штабелями лежали учебники, словари, древняя, современная, русская, зарубежная литература. Вечером мы уносили сумки с книгами в библиотеку, брали там сумки очередных книг.

Экзаменационный стол госкомиссии казался нам бесконечно длинным. Мы начинали отвечать по билету на одном конце стола (церковнославянский, древняя литература), потом пересаживались на соседний стул, где нас ожидал очередной экзаменатор (средние века, языкознание) — и так до конца стола, до современного русского языка или современной советской литературы. Прохождение через этот

конвейер занимало около 30—40 минут. На экзамене по русскому языку, пока я прошла от древнего до современного языка, через всякие виды грамматического разбора, моя память взбунтовалась или вошла в состояние шока, потому что Николаю Павловичу Каноныкину я очень подробно, на большом подъеме, рассказывала о причастии, начисто забыв, как оно называется (хотя в билете это название значилось). А когда Н. П. Каноныкин спросил меня: «А как называется то, о чем вы сейчас так удачно рассказывали?» — я в панике ответила: «Это вторая форма глагола, которая...» И снова в панике начала рассказывать все признаки и все варианты изменений этого забытого. «А все-таки, как оно называется?» — «Это форма глагола....» И тогда Николай Павлович прервал меня: «Это причастие», «Причастие!!!» — оправдывалась я. Получила «отлично».

Сдавали мы на подъеме и литературу, о чем писала наша газета-многотиражка.

Выпускной

А после последнего экзамена — самое приятное и запоминающееся в жизни выпускников: выпускной вечер. Н. А. Сухонина рассказывает о выпускном вечере на их курсе. Отмечали его «с шиком», в ресторане.

Последнее яркое событие — выпускной вечер в ресторане гостиницы «Европейская». В чинном аристократическом интерьере ресторанный зал собрался уже бывший 4 курс литфака со своими, теперь уже бывшими преподавателями. Обстановка, как сказали бы обозреватели, была теплая, дружеская. Поднимали тосты, читали стихи, поздравляли, танцевали, играли в жмурки. Валерий Павлович Друзин как-то гулко, сурово читал стихи опальной в то время Ольги Берггольц: «У сороконожки родились крошки....», «Когда минуло мне восемнадцать лет». Это было очень, очень смешно. Я успела записать второе стихотворение и помню его до сих пор.

А когда мы от танцев перешли к играм, обрушилась со своего постаменты китайская ваза огромной величины и какой-то знаменитой эпохи. Вот тогда-то выпускной литфак притих и понемножку разъехался по домам. И конечно, наши ангелы-хранители не оставили нас и на этот раз: на следующий день у окошечка кассы, где выдавали зарплату, с шапкой в руках появился один из преподавателей, в шапку посыпались пожертвования на компенсацию ущерба, нанесенного литфаком ресторану.

Мы привели выдержки из писем лишь троих выпускниц 50-х гг., их, безусловно, гораздо больше. Музей университета с благодарностью принимает воспоминания всех выпускников разных лет и факультетов, стремясь сохранить в памяти герценовцев моменты живой истории студенческой жизни. Образ университета во многом определяется университетскими традициями, и приумножение памяти поколений, связь времён, бережно хранимая музеем университета, — хороший тому пример. Это актуально как для предыдущих поколений выпускников-герценовцев, для которых эти воспоминания, встречи со своим прошлым чрезвычайно важны, так и для нынешних и будущих поколений студентов — чтобы они не забывали своих «корней», ведь без прошлого нет настоящего и будущего.

Проректор по учебной и воспитательной работе С. Б. Смирнов справедливо заметил, что мало кто из ветеранов университета (имея в виду, вероятно, профессорско-преподавательский состав) берётся за мемуары, а те, кто пишут, как правило, очень немного рассказывают об ушедшей от нас повседневности, из которой во многом и вырастает традиция. По мнению С. Б. Смирнова, важной задачей будущего является написание истории университета как истории его повседневности в различные эпохи развития РГПУ им. А. И. Герцена, истории людей университета, а не просто истории учреждения.

И тем более отрадно, что именно наши бывшие выпускники отчасти выполняют эту миссию.